

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Маргулис Сергей Борисович

**ЭВОЛЮЦИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА КАК ФОРМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
РЕСПУБЛИКАХ В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА И КИРГИЗИИ)**

Специальность 5.5.2 - Политические институты, процессы,
технологии

Аннотация

диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Демиденко Сергей Владимирович

Москва, 2024

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

- во-первых, радикальный ислам в современном мире становится по-настоящему глобальным феноменом. Большинство крупнейших исламистских группировок, такие как «Аль-Каида», Исламское государство (ИГ), Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (ХТ)¹ и подобные им ведут свою деятельность в целом ряде государств мира. Причем их активность не ограничивается странами с преобладающим мусульманским населением. Они имеют свои подпольные ячейки в Европе, США, России, Юго-Восточной и Центральной Азии и т.д. и способны не только совершать террористические акты, но и в некоторых государствах напрямую угрожать конституционному строю, особенно с учетом того, что в концепции радикалов все большее место начинают занимать политические вопросы, в том числе, создание глобального исламского государства – халифата.
- во-вторых, в российском информационном пространстве (СМИ, общественная дискуссия, академическое сообщество – частично) продолжает доминировать максимально упрощенная точка зрения о разделении мусульман на «умеренных» и «радикалов», причем последние ассоциируются исключительно с салафизмом или ваххабизмом;
- в-третьих, несмотря на снижение активности радикалов по сравнению с 1990-ми, проблема исламизма в центральноазиатских республиках остается крайне серьезной. Выходцы из стран Центральной Азии нередко становятся членами международных фундаменталистских группировок. Этнические узбеки, таджики и киргизы в рядах ИГ активно принимали участие в боевых действиях на Ближнем Востоке. Часть из них продолжает вести террористическую деятельность, в том числе, в соседнем Афганистане в составе «филиала» ИГ «Вилаят Хорасан»², а некоторые возвращаются в свои страны и вполне способны создавать

¹ Запрещены в РФ

² Запрещен в России

подпольные ячейки и заниматься вербовкой новых членов. На значимость вопроса исламского радикализма в ЦА четко указывают результаты социологических исследований.

- в-четвертых, потенциальная эскалация обстановки в республиках Центральной Азии в корне не отвечает национальным интересам России. Две из трех исследуемых стран (Киргизия и Таджикистан) являются союзниками РФ по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На их территории находятся стратегические российские военные объекты: 201-я российская военная база и оптико-электронный комплекс «Окно» в Таджикистане, а также объединенная российская военная база в Киргизии. Кроме того, все три государства выступают важными торгово-экономическими партнерами РФ, а Киргизия и вовсе является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Помимо этого, существует риск «экспорта» исламистских идей в РФ, что может стать угрозой национальной безопасности страны.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Доказано, что подлинное исламское правление (халифат/имамат) рассмотрено в качестве исключительно политического феномена. Оно является особым вариантом недемократического политического режима, имеющего ряд схожих черт с некоторыми формами авторитаризма, однако характеризующегося основополагающей ролью религии и не предполагающего единоличной власти.
2. В результате исследования исламского фундаментализма в эволюционном разрезе был сделан вывод о том, что радикальный ислам в XX - XXI веках, не теряя своей религиозной основы, все больше сосредотачивается на политической повестке. Это дает ему дополнительные возможности для адаптации и распространения в тех регионах, которые ранее считались «недружественными» для подобного рода идеологических конструкций (Европа, США, РФ – частично).

3. Выявлено, что в центральноазиатских республиках радикализация ислама имеет общий тренд, связанный с единством культурно-религиозного пространства и сильной взаимосвязью народов, населяющих регион. Протестные движения в странах ЦА, как правило, возникают по социально-экономическим (иногда политическим) причинам, однако достаточно быстро дополняются религиозной компонентой. И именно она оказывается превалирующей, тогда как ислам становится главным фактором, консолидирующим оппозицию.
4. Установлено, что в отличие от Таджикистана и Узбекистана, в постсоветской Киргизии радикальный ислам долгое время не оказывал серьезного влияния на политический процесс. Кочевой образ жизни повлиял на уровень религиозных знаний, суфийские связи, значение ислама в повседневной жизни киргизов, а также на устойчивость к советской атеистической пропаганде. У большей части населения Киргизии уровень национальной и клановой идентичности пока превалирует над религиозной.
5. Выявлено, что в последние годы общественные настроения в киргизском социуме начинают постепенно меняться, и влияние факторов, «сдерживающих» исламизацию, снижается. У граждан стабильно растет доверие к религиозным организациям (к политическим традиционно остается низким) и запрос на политический ислам, что подтверждается социологическими исследованиями. Также учащаются случаи вступления жителей республики в радикальные группировки, в т.ч, ХТ и ИГ. Этому способствует благоприятная для распространения исламизма среда: стабильно сложная социально-экономическая ситуация, политическая турбулентность, ограниченный контроль за религией со стороны государства, низкое духовное образование мулл и т.д. Таким образом, целесообразно констатировать, что киргизский социум развивается в общерегиональном тренде, но с некоторым «запозданием», обусловленным спецификой кочевого общества.

Соответственно, в случае возникновения политических кризисов в будущем, вероятность активизации исламистского подполья существенно возрастает.

Источниковую базу исследования составил широкий круг письменных и аудиовизуальных источников. Они могут быть разделены на шесть основных групп.

Первую составляют материалы, содержащие выступления исламистов из стран Центральной Азии. Во вторую группу входят основные источники исламского права. Третья группа источников представлена трудами теоретиков исламского фундаментализма. Это сочинения известных мусульманских факихов, на работы которых опираются современные исламисты. Четвертая группа включает в себя нормативно-правовые акты (НПА) республик Центральной Азии. Пятая группа представлена опубликованными статистическими данными. Эту группу источников целесообразно разделить на две подгруппы: данные экономической статистики и результаты социологических исследований уровня человеческого развития, образования (в т. ч. религиозного), преступности и иных факторов, косвенно влияющих на радикализацию ислама. Шестую группу источников составляют сообщения информационных агентств и материалы периодической печати.

Объект исследования — радикальный ислам как политический феномен.

Предмет исследования — эволюция радикального ислама в Центральной Азии как политического феномена.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1985 по 2022 годы. Именно в 1985 года, с началом политики перестройки, в СССР начинается период религиозного возрождения в республиках Средней Азии. В то же время для исследования радикального ислама в поздний советский и постсоветский период необходимо рассмотреть историю становления и развития мусульманской веры в регионе, а также истоки идеологии радикального ислама, что делает необходимым в этих вопросах расширение хронологических рамок.

Территориальные рамки исследования. В рамках данной диссертации автором исследуется радикальный ислам в трех республиках: Узбекистане, Таджикистане и Киргизии.

Цель исследования — выявить ключевые политические, социально-экономические и религиозно-культурные факторы радикализации ислама в субрегионе Центральной Азии (на примере Узбекистана, Таджикистана и Киргизии).

Исходя из поставленной цели, логично выделить ряд задач:

- определить место «исламского правления» в современной научной типологии политических режимов;
- выявить особенности исторического развития радикального ислама. Рассмотреть его эволюцию и провести сравнительный анализ традиционных концепций (Ибн Ханбль, Ибн Таймия, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб аль-Ваххаб) с теоретическими парадигмами XX–XXI вв. и выделить общие и отличительные особенности;
- выявить ключевые особенности становления и развития ислама в центральноазиатском субрегионе с фокусом на период нахождения данных территорий в составе СССР в связи с тем, что именно в этот период начинается процесс политизации ислама.
- оценить степень влияния советской атеистической пропаганды на население республик Средней Азии и выявить причины быстрой исламизации общества в конце 1980-х — начале 90-х;
- выявить культурно-религиозные и политические причины формирования исламистских группировок в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии в постсоветский период;
- установить значение социально-экономических факторов в распространении в субрегионе — Узбекистане, Таджикистане и Киргизии — исламистских идей;

Гипотеза. Во время религиозного возрождения в поздний советский и постсоветский период исламисты в республиках Центральной Азии стали меньше обращаться к традиционному для этого субрегиона суфизму, который уступал место «постсоветскому ваххабизму», имеющему ярко выраженную политическую составляющую и апеллирующему к концепции халифата. В данной форме он фактически стал доминирующей идеологией политического протеста. Это

произошло вследствие длительной изоляции местных мусульман от исламского мира и репрессий в отношении суфиев в советский период, а также изменения социально-экономической и политической ситуации в среднеазиатских республиках бывшего СССР.

Теоретико - методологическая основа исследования

Диссертационное исследование имеет комплексный характер и предполагает изучение различных аспектов эволюции радикального ислама в республиках Центральной Азии в поздний советский и постсоветский периоды. Следовательно, оно включает как специализированные, так и общенаучные методов.

Теоретической основой данного исследования выступает неонституциональный подход. А конкретнее, одно из его направлений – исторический неонституционализм, представленный в работах К. Телена, П. Пирсона, П. Холла, Т. Лонгстрета и др.

Важную роль в данной диссертации играет метод кросс – культурного анализа. В работе производится межстрановое сравнение этнокультурных особенностей населения Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, влияющих на ислам и уровень религиозности социума.

Для рассмотрения динамики развития ислама в Центральной Азии, автором используется историко-описательный метод. Среди методов исторической науки соискателем также применяется биографический метод.

Кроме того, в работе присутствует метод описательной статистики. Автором в виде таблиц и графиков представляются данные экономической статистики: номинальный ВВП, ВВП (ВРП) на душу населения, уровень бедности и т.д.

Теоретическая значимость исследования. Данное исследование позволит определить место исламского правления (халифата) в существующей в современной политической науке классификации политических режимов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены МИД РФ и иными органами власти,

занимающимися вопросами внешней политики, для выстраивания отношений со странами Центральной Азии. Кроме того, выводы данного исследования могут быть использованы структурами, обеспечивающими национальную безопасность России для более глубокого анализа природы радикального ислама, поскольку данная проблема может нести прямую угрозу и для нашего государства.

Результаты исследования могут найти применение в дальнейшем исследовании генезиса радикального ислама как на постсоветском пространстве в целом, так и в Центральной Азии в частности.

Также материалы настоящего диссертационного исследования могут быть применены при подготовке лекций и практических занятий по религиоведческим дисциплинам и курсов, посвященных политическим процессам на постсоветском пространстве.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исламское правление (имамат/халифат), к которому стремятся большинство исламистских группировок, является альтернативным вариантом политического режима, не укладывающегося в существующие в современной политической науке классификации. Исходя из его основных положений, изложенных в разное время факихами аль-Маварди и Ибн Хальдуном, оно по большинству критериев не соответствует демократии в классическом академическом понимании этого термина, но имеет общие черты с некоторыми видами недемократии, выделяемыми, к примеру, Линцем и Степаном посттоталитаризмом и монархическим авторитаризмом (Вэхман, Хадэниус, Теорелл). В то же время его полная идентификация с ними по некоторым критериям также невозможна. В отличие от посттоталитаризма, где по мнению Линца и Степана появляются зачатки политического плюрализма и так называемой «второй (параллельной) культуры», отличающих его от классического тоталитаризма, при исламском правлении они невозможны в принципе, так как это сразу будет являться отступлением

от норм шариата. В случае же сравнения с монархическим авторитаризмом в халифате, к примеру, отсутствует четко сформированная (в соответствии с конституцией или устоявшейся традицией) практика передачи власти преемнику (существует три различных механизма выборов нового халифа). Кроме того, в отличие от указанных видов недемократий, исламское правление характеризует принцип всевластия Аллаха.

2. Советская атеистическая пропаганда способствовала лишь определенному размыванию религиозных установок у народов республик Центральной Азии, но не искоренила религиозную идентичность. Это способствовало формированию особой разновидности радикального ислама — постсоветского ваххабизма. С одной стороны, он сохранил идею о необходимости «очищения веры» и многие традиционные методы борьбы с «неверными». С другой же, он не был основан на глубинных религиозных знаниях. По мнению авторитетных мусульманских богословов, многие лидеры и идеологи исламистских движений, например Т. Юлдашев и Д. Намангани, обладали лишь поверхностными знаниями фикха. Следовательно, такой вариант «ваххабизма» мог сочетать салафитские идеи с суфийскими практиками и вопросами национальной идентичности и клановой принадлежности.
3. Радикальный ислам в форме «постсоветского ваххабизма» в Таджикистане и Узбекистане фактически стал доминирующей идеологией политического протеста, оттеснив на второй план либо поглотив классические доктрины в лице левых идеологий, либеральной демократии и т.д. Таковой он остается и по сей день.
4. Сильная и относительно светская авторитарная власть в Узбекистане и Таджикистане способствовала сдерживанию и временному устранению исламистской угрозы. Эффективные методы противодействия исламскому радикализму, применяемые правительствами И. Каримова (с 2016 года — Ш. Мирзиёева) в Узбекистане и Э. Рахмона в Таджикистане позволили существенно снизить деятельность радикальных группировок. В обоих

государствах последовательно ведется политика, направленная на повышение роли в первую очередь, национального, а не религиозного самосознания и ограничение неформальных связей с иностранными религиозными организациями. Кроме того, ведется активная деятельность правоохранительных органов, направленная на выявление подпольных исламистских ячеек. Уже в начале XXI века в регионе фактически полностью прекратила существование крупнейшая региональная исламистская группировка ИДУ и существенно снизилась активность других радикальных объединений.

5. В Таджикистане и Узбекистане ислам является ключевым инструментом консолидации общества, что наиболее четко прослеживается в кризисные моменты. Ислам плотно укоренился в сознании преимущественно оседлого населения этих республик, и в них сформировались плотные суфийские связи. Это дает возможность духовным лидерам, иногда выступающим в качестве политических фигур, в сложные периоды объединять людей под исламскими лозунгами. Мусульманская вера сплачивала представителей разных социальных групп как в начале XX века (басмаческое движение), так и в постсоветский период, в том числе во время гражданской войны в Таджикистане.
6. Клановое разделение на условный «Север» и «Юг» и сложные межэтнические отношения с узбеками и таджиками пока преобладают над осознанием населением Киргизии единой исламской идентичности, что несколько тормозит распространение в республике радикальных идей. При этом исламизация общества идет достаточно быстрыми темпами. Учитывая относительно либеральную религиозную политику властей, уже в среднесрочной перспективе республика рискует столкнуться с серьезной угрозой исламского радикализма.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в шести публикациях автора,

входящих в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК, а также главе в коллективной монографии.

1. Маргулис С. Б., Демиденко С. В. К вопросу о радикализации ислама в Центральной Азии на примере ИДУ и ПИВТ. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки, 2019, № 6. — С. 44–63.
2. Маргулис С. Б., Файншмидт Р. И. К вопросу о факторах радикализации ислама на примере Узбекистана и Индонезии (провинция Ачех). // PolitBook, 2020, № 4. — С. 147–175.
3. Маргулис С. Б. Доктринальные основы формирования исламского фундаментализма. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки», 2020, № 3. — С. 165–174.
4. Маргулис С. Б. К вопросу о теоретических основах и историческом развитии радикального ислама как политической идеологии. // Журнал «ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы», 2020, Т. 11, № 2. — С. 88–105.
5. Маргулис С. Б. Факторы радикализации ислама в постсоветском Таджикистане. // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки», 2020, Т. 7. № 4 (28). — С. 121–130.
6. Демиденко С. В., Маргулис С. Б., Файншмидт Р. И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология», 2022, Т. 24, № 4. — С. 665–685.
7. Маргулис С. Б. Генезис радикального ислама в постсоветском Кыргызстане. // Переосмысление роли религиозного фактора в глобальных политических процессах. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — С. 58–89.

Апробация результатов исследования также была проведена в рамках трех НИР, выполненных соискателем в рамках государственного заказа в составе авторского коллектива, а также на ряде международных и всероссийских конференций.

Структурно исследование состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка литературы и источников, а также приложений.